

Норвежцы засветили Ибсена

Победитель «Балтийского дома» выступил в Москве

Решение жюри фестиваля «Балтийский дом» присудить гран-при спектаклю норвежского Национального театра из Осло «Дикая утка» наш петербургский автор назвала «неожиданным». Тем более феноменальной кажется интуиция сотрудников Театра наций: из всех зарубежных трупп, выступавших в Петербурге, именно норвежский спектакль был заранее приглашен и в Москву.

На сцене столичного Молодежного театра норвежцы играли как раз в тот вечер, когда в Питере оглашали итоги «Балдома». Весть о том, что «Дикая утка» признана победителем, докатилась до перепрестольной аккурат в антракте. Правда, на лицах актеров следов радости во втором акте не читалось: видимо, сказались и профессионализм исполнителей, и трагическое

развитие сюжета ибсеновской пьесы. Критики же после перерыва смотрели спектакль более придирчиво, чем поначалу, мысленно прикидывая, каков же был общий уровень «Балтийского дома» и что за роковая неудача постигла, не говоря о прочих, великого Эймунтаса Някрошюра, если эта «Дикая утка» оказалась лучше его «Гамлета».

Впрочем, сидеть в Москве и гадать о контексте петербургского фестиваля довольно глупо. Тем более, что театр из Осло показал крепкий, ладно и строго выстроенный камерный спектакль. Многословно-многоактная пьеса Ибсена в редакции режиссера Рагнара Лита оказалась существенно сокращена, а ибсеновские акценты значительно смещены. Очевидно, сегодня художественная программа Национального театра допускает такие эксперименты с главным национальным классиком, каким для нор-

вежцев остается Ибсен (в приложении к программке в качестве главной информации об актерах напечатаны списки ролей, сыгранных ими ранее в его пьесах).

Вместо пролога зрителей «Дикой утки» ослепляет молния фотовспышки. Оправившись от неожиданности, они видят перед собой огромную, во весь занавес, фотографию званого вечера у коммерсанта Верле, которым начинается пьеса. Профессию главного героя, Ялмара Экдала (он, по Ибсену, фотограф), режиссер выбрал для спектакля в качестве главной формообразующей метафоры. Экдал и появляется-то как оживший персонаж снимка, «отделяясь» от изображения и превращаясь в объемную фигуру.

Фотографии еще несколько раз возникают в спектакле, напоминая о занятии героя. Дома у него, точно липучки против мух, висят подсохшие

скрученные негативы. Докапываясь до истины во взаимоотношениях с женой, он, будто следователь арестованную, ловит ее в ослепляющий свет большой осветительской лампы-тарелки. А один раз на матовой стене проявляется неосуществленная фотография: герой, обнимающий дочь и жену,— последняя, так и не запечатленная секунда обывательской семейной гармонии, навсегда нарушенная приходом правдолюбца Греггера Верле.

Вообще, спектакль поставлен как подарок фотографу: каждая мизансцена будто специально подготовлена для того, чтобы стать заснятой на пленку. Кроме одной, финальной, когда муж и жена, уже после самоубийства их дочери, узнавшей тайну своего рождения, медленно идут друг навстречу другу на фоне задника-экрана.

Конечно, именно в «Дикой утке» фотография становится больше, чем просто оформи-

тельным приемом, визуальным трюком. И больше, чем напоминанием о том, что повальное увлечение изобретением пришлось как раз на те годы, когда Ибсен писал эту пьесу. Взаимоотношения света и тьмы, определяющие весь процесс фотофиксации жизни, как нельзя лучше могут служить иносказанием взаимоотношений правды и лжи, истины и иллюзии, которые составляют смысл ибсеновского сочинения. Естественно, спектакль предоставляет рецензенту необъятный простор для сопоставлений: как фотография рождается только на свету, но проявляется только в темноте, так и раскрытие страшной семейной тайны «засвечивает» жизнь и приводит к гибели девочки Хедвиг...

Существеннее этих сопоставлений, впрочем, оказывается то, что режиссер, следуя черно-белой логике света и тьмы, «выпрямляет» ибсенов-

ский конфликт. Драматург не давал ответа на вопрос, как «правильно» жить: нести суровую правду и противостоять любой лжи или же убежать в неведение. В норвежском спектакле все просто. Непреклонный и жестокий борец за правду приходит и без колебаний «ослепляет» ненужной правдой несчастных, слабых людей. Их жалко. И не более того.

Может быть, из-за переполняющей ибсеновский текст дидактики его у нас, изучая и почитая за классика, не ставят. А может быть, из-за того, что в России Пушкин уже исчерпывающе высказался по этому поводу: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». В норвежском спектакле все случилось, по закону негатива, наоборот: низкие истины оказались принесены светом.

РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ